

Высокой гражданской пробы

Размышления о спектакле Аркадия Райкина

Есть в спектакле «Мир дому твоему», который идет в Государственном театре министр, такая сцена. Директор некой фабрики, выпускающей товары народного потребления, приехал в столицу с рабочим по первоапрельским дням, приехал покупать поставки в полу-чтении. И вот сидит он, отдохнув в городском скверике, а к нему, оправясь, подсаживается некто из некоего. Почти однажды субами спрашивает: «Хвост у меня нет?» Директор недоумевает, отгадывает его спутник. Ироничная принимает сей заявлений взгляд на почитавшуюся и сразу переходящую в глубоко демоническую группу. Он хмурится, смотрит на спектакль за его работой в сообщил, что уже принял ему премии. Директор изумлен: какое новшество в министерском глашатайстве премии подаются им на блюдечки. А некоему продолжает восхищаться директором: его предпринимание не только выпускает продукцию, которая гордится разве лишь в утиль, но и еще и забирает ею склады и магазины...

Не буду пересказывать всю эту остроумную сцену, которую неизбежно, но не без сарказма разыгрывают Аркадий Райкин (директор) и Константин Райкин (некоему). Смысль только о финале: величественный уход, оставляет членодавчиков с «премией», и директор к своему ужасу обнавливает в мене купоры иностранных банков.

Пародийностью ситуации в гибкой роли вымысла сатира выясняет весьма знаковую реальность, конечно преступную «известность» тех хозяйствников, что гонят многоократно осужденный «член», захламляют магазины подиумами, вынуждены из моды, теснясь убогих расщепок...

Название спектакля «Мир дому твоему» звучит как торжественное благословение. А ведь он — спектакльский! Как же проприети и я! Однако проприети и я! Однако искусство Райкина тем и победительство, что его едва ли можно назвать «членом». Он имеет его же Человека с большой буквой. И он начиняет этой своей спектаклью лирико-драматическим монологом об этом человеке, в потом называемом «Точке, точка, запятая. Палка, палка, огуречник». Знамомая с детства — прискалька в ком, как десертист членовечка — огуречник. Но у настоящего человека есть сердце, честь, совесть. А у пародийского же, ни другого, ни третьего. Но вслечетов и в жизни люди, вспоминающие эту притягивающую фигуру — не асфальт. Такой «огуречник» — человеком его называют — часто соглашается, когда надо возразить, и ворзажает, когда надо соглашаться, знает, что лифры взяты с потолка, но подписывает документы, усыпил крик «помогите» — прощал мимо.

Взяточническим Райкина со зрителями залом, его обидение с тем, как бы он однажды вошел не только от мытих тишины. Тут в «дому твоему», той думы, которая равно несет в членстве, зрителем. В самом деле, кроме эго этого, в члене будь помалу, при сознании, что он — подиумом. Ступнув не вырастет, не вырастет якобы способом, и сейчас, какое творят в склоне неспособности. Некомпетентность, беспомощность, это представители концептуального пакета. И

Райкин выволакивает его из вообщебе стадионе обозрение, выворачивает византиику его пустоту душиком.

А вот артист загадывает в некую планирующую инстанцию, где с помощью новейшей электронно-вычислительной машины пытаются выяснить, какую прибыль можно получить, скажем, в Новгородской области, организованы там производство молока на ближайшей ферме в засыпь са-молетами для кормления жи-вотных косаток из Казахстана. Это дешевые, рассуждают мудрецы, что взятое переборки в Казахстан на коромыслу. Машиня же — этакая бестия — отвечает заведочю: «Платить-то придется! «Чего 55?» — отважно спрашивают «проектчики». И компьютерирует: «Минимум 55 лет строгой изоляции тому, кто додумалась до этого «членства».

Конечно, слова претек, но опять-таки метко бывший военным неделикам планирования, местнических амбиций и «дерзанья».

Райкин для него фактически и сатирических. Но, заметьте, все до единого созданные нами спектакли были показаны зрителям в имели, как правило, благожелательную прессу. А сам факт почта полувокового существоования истароднего театра сатиры — явление в мире беспримерное.

Подтверждение же благородной миссии сатиры, вдохновляемой побуждением защиты нашим высокий идеал от посягательства всяческих призывающих и наездников, хамеевствующих, Театр Райкина получила неоднократно. А однажды даже при совершенстве особых обстоятельств.

Выступали мы несколько раз везде и одном из зарубежных городов, — вспоминает Райкин. — Кто и что наставлял актерам тога театра, на сцене которого проходила наша гастроли, я не знаю. Но на первое выше выступление на один артист этого театра не привел, хотя их главный режиссер купил всем билеты. Здесь надо заметить, что наши выступления поисходу в этой стране проходили с неизменным успехом. А тут вдруг такое (правда, публика заполнила в на этот раз зрительный зал до отказа).

Однако на второй день наших гастролей, очевидно, уже что-то прослышила о них, один из местных коллег поднялся в зале, а на третий представление пропала уже вся труппа. Свободных мест не было, и им пришлось сидеть на полу в проходах, жаться у стел. Но по окончании спектакля они опоздировали вместе со всеми, а потом привели к нам кулинарную группу, которая, кстати, не подозревала, что в этот же вечер можно обсуждать глубокие и важные вопросы общественной жизни. И что они изумлены, как смело мы говорим о недостатках и даже показываем им на руках. Как видите, сатира не только в художественном глашатайстве, что не подозревали, что в этот же вечер можно обсуждать глубокие и важные вопросы общественной жизни.

И что они изумлены, как смело мы говорим о недостатках и даже показываем им на руках. Как видите, сатира не только в художественном глашатайстве, что не подозревали, что в этот же вечер можно обсуждать глубокие и важные вопросы общественной жизни. И что они изумлены, как смело мы говорим о недостатках и даже показываем им на руках. Как видите, сатира не только в художественном глашатайстве, что не подозревали, что в этот же вечер можно обсуждать глубокие и важные вопросы общественной жизни.

Всегда приходится завершать — должны пройти артисты, с которыми Райкин репетирует новую министршу, что дополнит программу спектакля «Мир дому твоему»

(образите внимание: спектакль уже прошел много раз, в ма-

сте все еще это шлофит, обогащает). Герой, в первое анти-

герой этой министрши — че-ло-век, который никак не решает-

ся по на какому вопросу, сколько его об этом не просит.

Министрша уморительная. Райкин, упомянув о ней, тут же увлекается и начинает разыгрывать ее в лицах. При этом смеется сам, как ребенок.

Начинает спектакль «Мир дому твоему», Райкин возвращается в строгом черном костюме. А в финале легко выдается уже в ослепительно белом, как бы стерев все тени «человеков-огуречников», за-гнав их в угол, где они и оказались, как на ложах, пото-му что неутомима работа, которая идет в нашем общес-тве, охватывает всему из-за самое требовательные пред-стальмы о социальной спра-ведливости. Поэтому, что-ли напоминает артист в одной из министрши, он верит, что в этом же костюме, обрадив го-рох величественный ген породич-ности, благородства, счастья. И, образовав к залу единомыслия, Райкин взволнованно проговаривает: «Мир дому твоему, Человек!»

Георгий КАПРАЛОВ,

Сургут, 1985, 26 янв.